

В понедельник на утренней самоподготовке Фэн Чжоу совершил нечто неслыханное. Вместо того чтобы штудировать учебники, он снял очки, улегся на парту и мгновенно провалился в сон.

Название их беседы — «Мстители» — звучало внушительно, но на деле в чате состояли лишь четверо: он сам, Юй Шаочунь, Ли Гохао и Тан Цянь. В воскресенье вечером они созвонились в голосовом чате и полночи сводили воедино крупницы собранных улик. Скомпоновав доказательства в длинную инфографику, ребята передали файл Юй Шаочуню, чтобы тот разом опубликовал его в Weibo и QQ-пространстве.

Закончив с этим, Фэн Чжоу почувствовал себя настолько опустошенным, словно растратил запас жизненных сил на десять лет вперед.

Стоило ему забыться сном, как кто-то настойчиво ткнул его в плечо. С трудом оторвав голову от парты, сонный Фэн Чжоу уставился на раскрытый задачник, бесцеремонно сунутый ему под самый нос.

Юй Шаочунь ткнул пальцем в страницу:

— Слушай, а почему в этом тесте правильный ответ that?

Фэн Чжоу нащупал на парте очки, нацепил их и пробормотал:

— Это же определительное придаточное, разве нет?

— Ну да, но почему тогда не which? — спросил Юй Шаочунь. — Я подставил, прочитал про себя — звучит вполне нормально.

— Потому что тут есть подсказка, — Фэн Чжоу взял ручку и обвел слово «last» в предложении. — Если перед определяемым словом стоит порядковое числительное или прилагательное в превосходной степени, нужно использовать только that, забыл?

— А, точно, — Юй Шаочунь задумчиво прикусил колпачок ручки и повернулся к своей парте. — Спасибо. Спи дальше.

Фэн Чжоу протер глаза и, поленившись снять очки, снова уткнулся лицом в локти. Но не прошло и пары минут, как дверь класса с грохотом распахнулась.

«Дадут мне сегодня поспать, черт возьми, или нет?»

Приподняв голову, Фэн Чжоу недовольно сощурился. В класс вошла суровая, не знающая улыбки женщина, а за ней, семена, следовал завуч Чжао.

Завуч по воспитательной работе шумно откашлялся:

— Кхм... Вчера вечером в крупных социальных сетях появились порочащие публикации в адрес одного из преподавателей нашей школы. Речь идет об учителе, который ведет уроки именно в вашем классе. Поскольку эти грязные нападки наносят прямой ущерб репутации учебного заведения, мы с директором Юй пришли сюда, чтобы прояснить ситуацию.

Он покосился на стоявшую рядом женщину. Дождавшись ее едва заметного кивка, завуч продолжил:

— Кто из вас распространяет эту клевету? Если виновник признается сам прямо сейчас, мы обойдемся строгим выговором. Но если вас вычислит администрация школы, дело почти наверняка закончится исключением.

В классе повисла тяжелая тишина. Ребята сидели, опустив головы: одни усердно делали вид, что уткнулись в учебники, другие безучастно разглядывали парты. Никто не проронил ни слова.

Понимая, что столкнулся с глухим бойкотом, завуч раздраженно постучал ладонью по кафедре:

— Предупреждаю, бесполезно отмалчиваться и упорствовать! Мы все равно во всем разберемся. Эта мерзкая статья наделала много шума, так что советую вам проявить благоразумие и подумать о своем будущем!

— Учитель, — Тай Мэй лениво поднял руку. — У меня вопрос. У нас и у первого класса программу ведут одни и те же преподаватели. Почему вы пришли допрашивать именно нас, а не их?

Завуч со всей силы хлопнул ладонью по кафедре:

— Не смей переводить стрелки и паясничать!

Тай Мэй пренебрежительно фыркнул, опустил руку и лениво откинулся на спинку стула. Закинув ногу на ногу, он принялся демонстративно изучать свои ногти, всем видом демонстрируя, что ни в грош не ставит эти угрозы.

— Значит, решили молчать? — круглое лицо завуча пошло багровыми пятнами. Он гневно закивал: — Решили покрывать негодяя? Хотите пойти как соучастники?

До этого хранившая ледяное молчание директор Юй наконец заговорила. Ее бесстрастный голос резанул по ушам:

— Раз Экспериментальный второй класс демонстрирует такую завидную сплоченность, мы просто отстраним от занятий всех без исключения. За срыв учебного процесса и грубое нарушение дисциплины весь класс уходит на домашнее обучение — до тех пор, пока мы не выясним имя автора этой клеветы. Сяо Чжао, звони родителям. Пусть приезжают и забирают своих детей.

По рядам пронесся приглушенный вздох. Несколько пугливых девочек мгновенно побелели как полотно.

— Что такое? — негромко спросила директор Юй, но в ее голосе сквозила безжалостная, мертвенная стужа. — Вы ведь так цените свою солидарность, что готовы наплевать на учебу? Вот и сидите дома всей дружной компанией. Даю вам пять минут. Подумайте хорошенько, готовы ли вы пустить свое будущее под откос.

В кабинете воцарилась мертвая тишина. Никто не смел поднять глаз или издать хоть звук. Лишь из коридора, сквозь закрытую дверь, доносился далекий гул — в соседних классах вовсю шла утренняя читка.

На лбу Фэн Чжоу выступила холодная испарина. Сердце колотилось в груди, выбивая бешеную, паническую дробь. Он опустил трясущиеся ладони на колени, чувствуя, как пальцы сводит легкой судорогой.

Он ведь был самым обычным человеком, который лишь однажды осмелился восстать против чужого произвола. К роли мученика, готового безропотно утонуть в пучине репрессий, Фэн Чжоу готов не был.

Эти пять минут тянулись для ребят как вечность, но пролетели неумолимо быстро. Директор Юй взглянула на наручные часы и отрезала:

— Время вышло. По-прежнему молчите? Что ж, уроки отменяются. Быстро собрали вещи и шагом марш в кабинет завуча. Будете ждать родителей там.

Но никто не пошевелился. Словно повинувшись негласному сговору, класс продолжал сидеть неподвижно, напрочь игнорируя приказ.

Они не могли принести себя в жертву и взять вину за то, чего не совершали. Но в то же время они понимали, что нельзя бросать в беде того, кто развел костер ради их общего блага, оставив его замерзать в одиночку на ледяном ветру.

Видя этот молчаливый саботаж, директор Юй окончательно потеряла самообладание. Она шагнула к первой парте, вцепилась в руку сидевшей там девочки и резко дернула ее на себя. Острые ногти больно впились в кожу. Школьница с размаху ударилась коленями и животом о край стола и со стоном согнулась пополам. Завуч попытался было вмешаться и сгладить углы, но директор Юй твердо вознамерилась сломать хребет этому бунту. Она безжалостно

выкручивала девочке руку:

— Решили характер показать? Раз молчите — выметайтесь отсюда все до единого!

Глухой стук падения и сдавленный плач девочки больно ударили по барабанным перепонкам Фэн Чжоу. В этот миг он ощутил себя Сизифом, обреченным вечно катить в гору проклятую глыбу. Сколько сил ни трать, расчищая путь к правде, этот мир останется прежним — насквозь гнилым и несправедливым. И твои жертвы ничего не изменят.

Какая горькая ирония.

Фэн Чжоу сжал кулаки так, что побелели костяшки. Зубы скрежетали от ярости и бессилия. Собрав в кулак остатки мужества, он резко поднялся с места. Стул с шумом откатился назад, заставив весь класс обернуться.

Фэн Чжоу открыл было рот, но в горле пересохло от волнения, и он не смог выдать ни звука, лишь невнятно просипел что-то себе под нос. Но прежде чем он успел поддаться панике, с первых парт донесся знакомый ленивый голос:

— Учитель, отпустите ее. Это моих рук дело.

Юй Шаочунь вальяжно покачивался на задних ножках стула, сохраняя свой обычный нагловатый вид. Он неторопливо поднял руку, ткнув указательным пальцем в потолок — пафосный анимешный герой, да и только. Директор Юй, все еще цепко сжимавшая плечо испуганной девочки, перевела холодный взгляд из-под стекол безоправных очков с Юй Шаочуня на стоявшего позади Фэн Чжоу:

— А ты чего вскочил?

— Я тоже в этом участвовал. Я...

Фэн Чжоу не успел закончить фразу — Юй Шаочунь бесцеремонно перебил его:

— Он тут ни при чем.

Тут же с места поднялся Ли Гохао:

— Директор Юй, я тоже причастен.

Следом встал Тан Цянь:

— И я тоже.

Тай Мэй переглянулся с ребятами и, не желая оставаться в стороне, тоже решительно поднялся, вызываясь вздернув подбородок.

Лу Сяонань, Цзян Лань...

Один за другим ребята из Экспериментального второго класса начали подниматься из-за парт.

Юй Шаочунь недовольно нахмурился:

— Ну и зачем вы лезете в это болото? Какого черта устраиваете тут цирк?

Директор Юй наконец отпустила плечо девочки. Ее густо напудренное лицо побледнело от ярости. Поджав губы, она окинула ледяным взглядом поднявшихся ребят:

— Решили разыграть карту солидарности? Думаете, всех не накажут? Прекратите этот дешевый спектакль! Отвечайте честно: кто зачинщик? Кто все это спланировал?

Юй Шаочунь неторопливо поднялся и подошел к ней вплотную. Высокий, с холодным, будто подернутым изморозью взглядом, сейчас он меньше всего походил на прилежного отличника и вечного второго в рейтинге параллели. Перед завучем стоял отчаянный игрок, готовый пойти ва-банк. Директор Юй невольно отступила на шаг, но тут же попыталась вернуть себе властный вид:

— Ты как на меня смотришь? Думаешь, самый умный здесь? Кто тебе позволил вести себя так в стенах Школы № 8?

Юй Шаочунь издевательски усмехнулся и небрежно прислонился к кафедре:

— Да кроме вас тут вообще никто не смеет диктовать свои правила. Разве не так?

Директор Юй проигнорировала выпад и посмотрела поверх его плеча на стоявшего у последней парты Фэн Чжоу:

— Ты ведь тоже признаться хотел?

— Я же русским языком сказал: он ни при чем, — раздраженно оборвал ее Юй Шаочунь. — Хотите отчислить — отчисляйте меня одного. А устраивать тут коллективную ответственность... Я уж думал, мы в школе учимся, а не в средневековой империи Цин живем.

От такой наглой издевки директор Юй окончательно потеряла лицо, но устраивать скандал при всем классе все же побоялась. Схватив Юй Шаочуня за шиворот, она силой выволокла его из кабинета. Завуч Чжао, до этого боявшийся даже вздохнуть, наконец засуетился и примиряюще замахал руками на взволнованных ребят:

— Так, все, успокойтесь! Садимся и продолжаем заниматься самостоятельно. Мы сейчас...

Договорить он не успел. Мимо него стрелой пронеслась стремительная фигура. С силой задев завуча плечом, парень выскочил из класса и бросился вдогонку.

Директор Юй разъяренной фурией тащила Юй Шаочуня за шиворот по школьному коридору. Ворвавшись в свой кабинет, она с силой захлопнула дверь и тут же схватила телефонную трубку:

— Алло, учитель Тянь? Найдите мне сейчас же личное дело Юй Шаочуня из десятого второго. Да, срочно. Спасибо.

Положив трубку, она подняла полные гнева глаза на парня:

— Смелый, значит, выискался? Решил грязью учителей поливать?

Юй Шаочунь стоял перед ней, выпрямившись во весь рост. От его давешней вальяжности не осталось и следа.

— Директор Юй, я никого не оклеветал.

Прежде чем директор успела вставить слово, он ровным тоном продолжил:

— То, что у Ло Цюде напрочь отсутствуют профессиональная этика и элементарная человечность — секрет полишинеля для каждого, у кого она хоть раз вела уроки. Предвзятое отношение к девочкам, деление детей на богатых и бедных, травля тех, кто выбирает гуманитарный профиль, — чего из этого она не совершала?

— Настоящий учитель должен возвращать в детях человечность и стремление к справедливости, а не плодить стада лицемеров, для которых статус важнее совести.

— Ты всего лишь ученик! — отрезала директор Юй. — За публичные оскорбления и дерзость в адрес педагога тебе светит строгий выговор с занесением в личное дело. Советую тебе взяться за ум: удали видео, принеси публичные извинения в соцсетях и угомонись, пока цел.

— И не подумаю.

— Ты хоть понимаешь, во что ввязываешься?! — директор Юй затряслась от бешенства. — Стоило учительнице Ло проявить строгость, как вы тут же решили устроить ей вендетту? Откуда в вас, детях, столько злобы и мстительности?!

Юй Шаочунь тем временем меланхолично разглядывал свое отражение в зеркале шкафа, неторопливо поправляя воротник:

— И это вы называете мстью? Ну конечно. Мой друг из-за ее козней лишился стипендии и шанса на нормальное будущее, а несчастная учительница Ло всего лишь может потерять теплое место. Куда уж там какому-то бедному школьнику до ее трагедии, правда?

— Да как ты смеешь! — директор Юй с силой шарахнула ладонью по столу, срываясь на визг. — Если ученик ленив и отбился от рук, учитель обязан призывать его к порядку! Стой здесь и жди. Как только принесут твои документы, мы идем прямиком к директору школы подписывать приказ об отчислении!

— Директор Юй, вы правда думаете, что меня можно напугать исключением? — Юй Шаочунь резко опустил ладони на ее стол с таким грохотом, что женщина вздрогнула. — Оставим в стороне то, что директор школы, узнав все подробности, вряд ли сочтет мои слова клеветой. Но даже если меня вышвырнут — родители просто отправят меня учиться за границу. А вот ваша хваленая школа лишится потенциального стоballьника и будущего студента университета из списка 985, которым вы так любите щеголять в отчетах перед министерством. Ну и кто из нас останется в дураках?

— Или, если вы так твердо вознамерились выгородить свою неприкасаемую сестрицу, давайте пойдем и разберемся прямо при директоре школы. Заодно и проверим, удастся ли вам после этого скандала сохранить свое теплое кресло завуча.

На лице Юй Шаочуня читалось абсолютное, издевательское выражение: «Ну и что ты мне сделаешь?». В этом мире нет ничего опаснее безумца, готового утянуть тебя за собой на дно. Директор Юй, еще минуту назад кипевшая от праведного гнева, начала стремительно остывать, трезво взвешивая все за и против.

В этот момент дверь кабинета без стука распахнулась — на пороге стоял запыхавшийся Фэн Чжоу. Пока остатки храбрости не испарились, он сделал глубокий вдох, подошел и встал плечом к плечу с Юй Шаочунем:

— Директор Юй, то, что учитель Ло слила вопросы к вступительному экзамену — это неопровержимый факт, который невозможно скрыть. Если вы читали ту публикацию в Weibo, то наверняка видели сравнительный анализ. Задания из экзаменационных бланков совпадают с темами, которые она разбирала на своих платных курсах, более чем на восемьдесят процентов. Неужели вы и теперь станете утверждать, будто мы все выдумали?

Директор Юй долгим, тяжелым взглядом смирила вошедшего отличника:

— Фэн Чжоу... Я всегда считала тебя гордостью нашей школы, разумным мальчиком. И как ты только умудрился связаться с этим смутьяном? Как ты мог пойти у него на поводу?

Фэн Чжоу твердо встретил ее взгляд:

— Директор Юй, я не какой-то идеальный «хороший ученик». Я самый обычный человек, которому просто легко дается учеба.

Изначально директор Юй преследовала лишь одну цель — выгородить свою сестру. Ло Цюде оставалось совсем немного до пенсии, и подобный грандиозный скандал подмочил бы ей репутацию перед самым уходом. Кто бы ни стоял за разоблачениями, директор Юй рассчитывала быстро заткнуть смутьянам рты, пригрозив строгим выговором или отчислением.

Но теперь, когда перед ней плечом к плечу стояли первый и второй ученики в рейтинге параллели, бывшая уверенность начала таять на глазах.

Слова Юй Шаочуня попали в самую цель. Избавься Школа № 8 от этих двоих — и любое другое элитное заведение оторвет их с руками и ногами. А вот за сокрушительный удар по показателям успеваемости и провал на выпускных экзаменах директор школы живьем содрет с нее шкуру.

К тому же, если отбросить эмоции, Ло Цюде действительно была кругом виновата. Правда оставалась на стороне ребят.

Теперь уже директору Юй пришлось всерьез задуматься: стоит ли ставить на кон собственную карьеру ради спасения сестры?

Глубоко вздохнув, она постаралась придать своему голосу максимальную мягкость:

— Послушайте, даже если этот преподаватель вам не по душе, негоже опускаться до столь радикальных мер и сеять вокруг один лишь негатив. Вы ведь порочите честное имя родной школы...

— Негатив? — издевательски переспросил Юй Шаочунь. — То есть предать огласке правду о гнилом преподавателе, который вымогает деньги, силой загоняет детей на платные курсы и угрожает сослать в гуманитарный класс тех, кто отказывается платить — это «негатив»? Неужели репутация вашей вывески важнее, чем судьбы сотен учеников?

— И чего же вы тогда добиваетесь? — устало спросила директор Юй. — Хотите раздуть скандал на всю провинцию и пойти на дно вместе со школой? Это принесет вам удовлетворение?

Юй Шаочунь оперся ладонями о столешницу и слегка подался вперед:

— Вы так ничего и не поняли. Нам не нужна война. Все, чего мы хотим как ученики — это честная, открытая и равная среда. Мы хотим, чтобы выпускные экзамены оставались шансом пробиться в жизнь своими силами, без оглядки на связи родителей и толщину их кошельков. Если школа не способна гарантировать нам элементарную справедливость, то какой вообще смысл во всей этой учебе?

До этого хранивший молчание Фэн Чжоу негромко, но твердо произнес:

— Директор Юй, давайте вернемся к фактам. Мы подняли этот вопрос не потому, что завидуем высоким баллам первого класса и хотим им насолить. Слив заданий действительно имел место. Чтобы разрешить эти сомнения, я предлагаю компромисс. Пусть методическое объединение учителей математики составит новый вариант той же сложности. Пусть первый и второй классы напишут его одновременно в равных условиях. Мы просто сравним реальные результаты. Давайте позволим говорить оценкам, согласны?

<http://bllate.org/book/19050/1933591>